

Весна
случается

Коллектив авторов

Весна случается.

Сборник прозы и поэзии

Издательство «Четыре»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Весна случается. Сборник прозы и поэзии / Коллектив авторов —
Издательство «Четыре», 2026

ISBN 978-5-908165-17-4

«Весна случается» — литературный сборник о пробуждении души, о свете, надежде и тех чувствах, которые особенно тонко звучат именно весной. В этих стихах, рассказах и размышлениях оживает всё, что делает жизнь глубже и прекраснее: любовь, мечта, ожидание, вдохновение, память, нежность. Эта книга наполнена теплом, искренностью и живым дыханием весны. Она приглашает остановиться, почувствовать красоту мгновения, услышать сердце и открыть для себя мир, где каждое слово распускается, как первый цветок под солнцем. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-908165-17-4

© Коллектив авторов, 2026
© Издательство «Четыре», 2026

Содержание

Наталья Алещенко	6
Не спеши, полюбуйся на травы	7
Когда окрепнет ствол и побелеет	8
Весна с улыбкой опьянённой	9
Косые дожди	10
Татьяна Вербицкая	12
Надежда Винокурова	16
Сказка о Мотыльке и Жуке	17
Воркуют на крыше две птицы	18
Наталья Ефремова	20
Весна случается!	21
Февральская весна	22
Последний день марта	23
А всё-таки весна!	24
Межсезонное	25
Лидия Заева	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Весна случается. Сборник прозы и поэзии

© Издательство «Четыре», 2026

Наталья Алещенко

Родилась в посёлке Ударный Углегорского района Сахалинской области. Член Российского союза писателей, Российского авторского общества г. Москвы и г. Новосибирска, поэт-песенник.

Автор – лауреат и дипломант всероссийских, международных, областных и региональных фестивалей, лауреат I степени в номинации «Автор песни», победитель литературных конкурсов «Свет звезды» (г. Санкт-Петербург) и «Слово современной классики» (стихи о любви, посвящённые Анне Ахматовой).

Издано пять детских книг, два сборника стихов. Произведения автора вошли в четыре альманаха, а также в многочисленные детские сборники.

Не спеши, полюбуйся на травы

Не спеши, полюбуйся на травы.
Так похожи они на ковёр.
Протянулись до самой дубравы
Сочной зеленью солнечным днём.
И шумят незаметно берёзы
Ещё с еле заметной листвой,
Провожая весенние грозы,
Предвкушая желанный покой.

Когда окрепнет ствол и побелеет

Когда окрепнет ствол и побелеет,
Увижу Родины зелёные глаза.
Кто полюбить тебя, скажи, сумеет?
Кто подберёт заветные слова?

Поля, луга, конца вам нет и края.
На сотни километров – благодать.
Окину взором – сердце замирает –
Твоих лесов чарующая стать.

Молоденькие тонкие берёзки
Прижались и заводят хоровод,
Распустят свои первые серёжки,
Когда наступит для цветения срок.

Весна с улыбкой опьянённой

Весна с улыбкой опьянённой
Спешит... нарастопашку дверь.
Ты руки тянешь, окрылённый.
Я рядом, я с тобой, поверь.

Услышим птичьи перезвоны,
Любви вселенской краше нет.
Луч солнца яркого, влюблённый,
Подарит нежности сонет.

Весна всю землю возрождает,
И мир становится светлей,
И новый день добром встречает
Среди родных, в кругу друзей.

Косые дожди

Косые дожди по асфальту стучали,
По сонному городу ливнем прошли.
Привыкли они возвращаться ночами.
Никто им не рад, но они нам нужны.

Косые дожди возвращаются к нам
Со стаяй летящих назад журавлей,
С раскатами грома по вечерам,
Со снегом, ещё не сошедшим с полей.

Косые дожди, признак скорой весны,
Оплакивать станут ушедшую зиму.
Они же не зря к нам на землю пришли.
Косые дожди просто необходимы.

Татьяна Вербицкая

Родилась в городе Полярный Мурманской области, в настоящее время живёт в Санкт-Петербурге. Мама троих сыновей, жена, сестра, подруга – и «спасательный жилет» для тех, кто сомневается в себе и теряет себя.

По образованию – юрист, много лет работала по профессии, но с детства влюблена в английский. В 41 год сменила путь: окончила школу перевода при СПбГУ, переводит художественную литературу с русского на английский. Писателем себя не видела, но четыре года назад попробовала копирайтинг – и поняла, что на своём месте. Член клуба «Четыре рукописи», соавтор сборника «Кружева зимы» и альманаха «Мы вместе».

* * *

Апрель в Петербурге напоминает мне подростка. Грязные фасады домов – будто изрядно потёртые ботинки, неокрепшие ветви деревьев – словно руки, которые город не знает, куда деть. То ли смущённо спрятать в карманы, то ли идти и неустанно жестикулировать ими. Неужоженные длинные волосы придают этому образу смешную нелепость.

И этот подросток весь – сплошное ожидание. Внутри него, под слоями снега-слякоти и этой неловкой грязи, уже бурлит что-то неуправляемое, горячее, настоящее. Он ещё сам пугается той силы, что пробивается из самых потаённых глубин, сокрушая лёд в каналах с глухим, отчаянным треском. Он стесняется этой мощи, прикрываясь утренним туманом, как дурной привычкой, и отводит глаза пронзительной синевой внезапных просветов. Его душа – это промозглые дворы-колодцы, где отчаяние холодных стен соседствует с ликующим криком первой капли, упрямо точащей камень.

Ты смотришь на него – и сердце сжимается от щемящей нежности, от этого противоречия между грубостью красок и хрупкостью пробуждающегося духа. Он угрюм и плаксив, может нахмуриться низкими облаками и залить всё косыми колючими струями, словно пыта-

ясь смыть с себя позор разбитых дорог и голых клумб. Но в следующее мгновение он замирает, притихший, заворожённый собственным отражением в луже, где небо уже не серое, а бесконечно высокое и чистое. В этой переменчивости – вся его ранимая, неприкаянная суть. Ему больно от собственного роста, от ломки старого уклада зимы, и он не знает, куда девать эту боль, кроме как в порывы сырого ветра, бьющего в лицо.

И в этом – его одиночество, абсолютное и понятное каждому, кто помнит себя в четырнадцать. Он стоит среди величавой, строгой архитектуры, среди взглядов прошлых веков, и чувствует себя неуместно и нескладно. Величавые фасады, эти взрослые, уверенные в себе исполины, смотрят на него молчаливо и строго. А он, с его грязными подтаявшими сугробами у парадных, с голыми нервными ветками, бессильно бьющими по граниту, – лишь временное несовершенство. Он думает, что его не любят, что ждут от него не этого метания, а сразу зрелой, уравновешенной красоты мая. Он этого не выдерживает и огрызается ледяной изморосью.

Но если остановиться и прикоснуться к этому состоянию не взглядом, а душой, – открывается иное. В этом апрельском подростке – самая честная и обнажённая надежда, какая только бывает. Она не приукрашена, не одета в зелень, она кричит из каждой пробивающей асфальт травинки, дрожит в каждом крике прилетевшей птицы. Это надежда, которая ещё не знает, оправдается ли, которая просто есть, потому что иначе нельзя. Он весь – первая любовь мира к самому себе, неумелая, сбивчивая, со слезами и скандалами, но бесконечно настоящая. Его нелепость священна. Его грязь – это следы отчаянной борьбы за право жить.

И, проходя по его влажным, сияющим в случайных лучах улицам, ловя на лице то поцелуй слабого солнца, то шлепок холодной капли, ты принимаешь его всего. Таким, как есть. Потому что в этой нескладности, в этой лихорадочной переменчивости ты узнаёшь отголоски собственного когда-то весеннего сердца. Того, что тоже металось между отчаянием и восторгом, чувствуя, как в груди ломается лёд, и не имея слов это выразить. Петербургский апрель не красит. Он исповедуется. И в этом его горькая, мокрая, бесценная красота...

Митька шёл по набережной и пинал окурки. Ветер игриво гонял его кудрявые волосы по лицу. «Отрастил патлы!» – слова матери осколком стекла застряли у него в горле.

– Мам, сейчас так модно, и все ходят.

– Да мне всё равно на всех! Ах, был бы жив отец, он бы тебе задал ремня!

Митька учился в восьмом классе районной школы, самой обычной, без всяких уклонов и наворотов. Жили вдвоём с матерью. Отец разбился на машине год назад. Мать тяжело переносила утрату, рыдала по ночам в подушку. Отец учил его дисциплине и собранности: «Пригодится в жизни, сынок».

Отставной военный, прошедший горячие точки на карте страны.

– Сынок, весна случается только у тех, кто в неё верит, никогда не падай духом.

Нелепая случайная смерть отца оборвала всё внутри.

Митька пинал окурки так, будто это был его собственный позор, маленькая жгучая точка вины за то, что не может быть таким, как отец. Этот окурки был всем: скукой уроков, немой болью матери, своей собственной беспомощностью. Он чувствовал, как внутри него растёт что-то тяжёлое и чёрное, как ржавчина на броне отцовской армейской машины, которая теперь стояла в сарае, приговорённая к молчанию. И он боялся этого роста, потому что отец учил его контролировать всё внутри, а он не мог – не мог контролировать даже эти дурацкие волосы, которые ветер, как назойливый приятель, трепал ему по щекам.

В школе он стал осторожнее, как стал осторожнее и весь их дом. Слова замерзали в воздухе, будто боялись разбить тонкое стекло, которое отделяло мать от мира. Он видел, как она смотрела на отцовскую фотографию на холодильнике, и её глаза становились пустыми, как два пролитых стакана воды. Митька хотел кричать в эту пустоту: «Я здесь! Я живой!», но вместо этого молча разогревал ей суп, и его руки делали это так же чётко и автоматически, как отец чистил свой автомат. Эта дисциплина теперь была не для жизни, а для того, чтобы просто не

упасть, чтобы держать на плечах этот дом, который стал тихим и холодным, как казарма после отбоя.

По ночам, когда сквозь стену доносились сдавленные рыдания, он лежал и смотрел в потолок, чувствуя себя не сыном, а часовым на посту. Он стоял на границе между сном матери и её горем, безоружный и не знающий пароля, чтобы пройти к ней и помочь. В голове крутились отцовские слова о стойкости, но они звучали как команды без цели. Для чего стоять? Чтобы она просто не забыла поесть? Чтобы самому не разучиться смеяться? Горе было похоже на минное поле, и каждый день они пробирались через него, стараясь не наступить на ту память, которая могла взорваться новой болью.

Однажды, когда ветер был особенно сильным и гнал по набережной пустые пластиковые бутылки, Митька остановился. Он представил, как отец бы посмотрел на него сейчас: на этого длинноволосого подростка, который пинает окурки и не может защитить свою мать даже от её собственных слёз. И тогда он почувствовал не стыд, а жгучую, яростную любовь, которая поднялась из той самой чёрной ржавчины внутри. Любовь, которая была единственным, что отец оставил ему в наследство, кроме дисциплины. Она была тяжёлая, как броня, и бессильная, как детские руки, но она была. Он решил, что будет носить её. Для отца. Для матери. Для себя, который ещё не знал, как быть мужчиной, но уже знал, как быть человеком, который просто остаётся, когда все другие уходят! «Весна случается только у тех, кто в неё верит», – слова отца вертели в голове.

Митька свернул за угол и зашёл в первую попавшуюся парикмахерскую.

– Сделайте, пожалуйста, короткую стрижку...

Через час в зеркале отразился незнакомый парень. Короткие, аккуратно уложенные волосы, открытое лицо без привычной чёлки, скрывающей глаза. Митька потрогал стрижку, ощущая гладкость кожи головы. Это было странно, даже немного неудобно, но одновременно ощущалось как освобождение. Он больше не был похож на того потерянного подростка. Это был шаг, крошечный, но значимый, к новой версии себя.

Выйдя из парикмахерской, он вдохнул влажный апрельский воздух. Ветер больше не трепал его волосы, но всё равно играл с ним, подталкивая вперёд. Он чувствовал себя иначе. Не так, как раньше, когда опустошённо пинал окурки. Теперь в нём было что-то устойчивое, как крепко стоящие дома на набережной. Он всё ещё ощущал грусть, но она уже не была всепоглощающей. Это была просто часть его – как дождь, который мог внезапно пойти, но так же внезапно закончиться.

Он вспомнил, как отец говорил: «Весна случается только у тех, кто в неё верит». Раньше эти слова казались ему далёкими, абстрактными. Но сейчас, стоя на мокром асфальте, глядя на пробуждающуюся зелень, он почувствовал, как эта вера начинает прорасти и в нём. Она была не такой бурной, как у петербургского подростка из его мыслей, но тихой, упрямой, подобно травинке, пробивающейся сквозь трещину в плитке.

Он шёл дальше, и каждый его шаг казался увереннее предыдущего. Быть сильным не значило быть таким, как отец; это значило быть собой и не сдаваться! Быть тем, кто может пережить потерю, пережить боль и всё равно найти в себе силы жить, любить и верить.

Митька улыбнулся. Эта улыбка не была похожа на отцовскую, она была его собственной, немного неловкой, но искренней.

Апрель в Петербурге, как подросток, действительно был полон противоречий. Он мог быть угрюмым и плаксивым, но в то же время в нём таилась неуправляемая сила пробуждения. И Митька с новой стрижкой и новым пониманием становился частью этого города, принимая его переменчивость и чувствуя в ней отражение собственной, ещё неокрепшей, но уже живой души.

Надежда Винокурова

Родилась в селе Кера (Пензенская область), где прошло детство. Окончив кулинарный техникум, вышла замуж и переехала в Курск. В течение 30 лет работала в сфере общепита, возглавляла производство и была директором муниципального предприятия «Орфей».

Писать начала с 13 лет. В 18 лет посвятила стихотворение маме, слепому брату и войне. Дебютная работа принесла первое место и первый гонорар.

В 2015 году приняли в Союз курских литераторов, в 2017-м – в ИСП.

Автор 16 детских и двух взрослых сборников. На стихи автора написано 18 песен. За литературное творчество награждена четырьмя медалями. Активно выступает перед детьми, в том числе перед ребятами из Донбасса, часто дарит свои книги. Публикации Надежды вышли в десятках альманахов и журналов – от «Российского колокола» до «Живых стихов соловьиного края».

Сказка о Мотыльке и Жуке

Весной распустились листочки, расцвели и заблагоухали на лугах цветы; ожили все насекомые, которые были в зимней спячке; проснулись ежи и полетели майские жуки. Днём жуки прятались под листики на цветущих деревьях, а к вечеру вылетали на прогулку. На красивых цветочках Жук встретил Мотылька, который улыбался от счастья и хлопал своими красивыми тоненькими крылышками.

Жук спросил:

– А почему ты, Мотылёк, улыбаешься?

Мотылёк не ответил и перелетел с цветка на цветок. Жук последовал за ним. Облетев несколько лужаек, посидев на цветочках, Мотылёк устал к вечеру и присел под листик. Сложил свои крылышки и начал отдыхать.

Жук не стал беспокоить Мотылька своими словами и тоже решил посидеть до позднего вечера под листиками. «Ночью Мотылёк точно со мной поиграет, и мы с ним вместе будем летать по цветам на лужайке и улыбаться звёздам и Луне, наслаждаться запахом трав и целебным воздухом. Как это будет здорово!» – подумал Жук.

В это время по траве шёл не спеша маленький Ёж, на которого Жук решил присесть, чтобы посмотреть под листики и понять, где же прячется Мотылёк. Уколов свои лапки об иголки Ежа, Жук спросил:

– Ты почему такой злой? Я же только хотел посмотреть, где сидит Мотылёк, а ты мне сделал больно.

Ёж ему ответил:

– Я не злой, я просто колючий, а иголки мои меня спасают от лис и собак. Я сворачиваюсь в клубочек, и меня обидеть никто не может.

– Но я же тебя не обижал! – с обидой сказал ему Жук и быстро взлетел на ветку.

Сложив свои крылышки, он решил отдохнуть и подождать, когда наступит ночь, чтобы встретиться с Мотыльком. А Ёж медленно пошёл дальше искать себе добычу. Дождавшись темноты, Жук вылетел на лужайку с надеждой встретить Мотылька и с ним вместе при Луне полетать и посмеяться, полюбоваться ночной красотой, светлячками, которые в темноте будут светиться, как ночные фонарики... Он начал искать Мотылька и звать его. Вдруг ему показалось, что его что-то подтолкнуло. Жук оглянулся и тут же громко засмеялся, воскликнув:

– Вот он, мой друг, которого я звал!

И от счастья стал улыбаться ещё больше и радостно перелетать с цветка на цветок. Тут он услышал, что над ним громко смеётся Луна, но ему было весело, и он продолжал летать и хлопать крыльями. Оказалось, Жук увидел свою тень, которая его не покидала. Он несколько раз обращался к ней, думал, что таким стал ночью Мотылёк. Наигравшись со своей тенью, Жук, пригласив с собой Мотылька, полетел на высокое дерево, чтобы спрятаться под листочками. А когда присел на ветку и сложил свои крылышки, он понял, что не зря над ним смеялась Луна. Ведь он игрался со своей тенью, а Мотылёк ночью крепко-крепко спал, и ему снились сладкие-сладкие сны.

Спокойной ночи, Мотылёк!

Воркуют на крыше две птицы

Воркуют на крыше две птицы,
Ведут меж собой разговор:
«Весна нам давно уже снится,
Пора поднимать всем сыр-бор.

Красавица в двери стучится,
Видишь – подснежник расцвёл.
К нам вновь прилетят с юга птицы,
Птичий будет стоять разговор».

– О чём вы щебечете, птицы?
О чём меж собой у вас спор? –
Пролетала мимо синица,
Присела она на забор.

Хотелось прислушаться ближе,
О чём же воркуют они.
Голубки спустились пониже:
– Там лужи! Скорее, смотри!

От радости стали купаться,
И в лужице плещет вода.
Весной нам пора наслаждаться!
Все птицы кричали: «Ура!»

И весело стало синице,
Взмахнули два серых крыла.
И дети с весёлыми лицами
Всех громче кричали: «Весна!»

Наталья Ефремова

Поэт, прозаик, редактор.

Член Российского союза писателей, литературного клуба «Писатели за Добро».

Автор романов «Осколки памяти», «Последняя жертва Розы Ветров», «Письма на воде. Лунные влюблённые», книги стихотворений «Осенью всё только начинается...», соавтор серии изданий для дополнительного образования «Я люблю русский язык!».

Лауреат и дипломант ряда международных и всероссийских литературных конкурсов разных лет, в том числе лауреат Национальной литературной премии «Поэт года» (2016), литературного конкурса «Степные всполохи» (2019, 2020), лауреат I степени в номинации «Поэзия» VIII Международного литературно-музыкального фестиваля «Славянское слово» (2025) и в номинации «Детская рифма» литературной премии «Лукоморье» (2025).

Весна случается!

Сегодня первый весенний дождь
Шагает мерно по подоконникам.
Его всю зиму с надеждой ждёшь,
А он в ладони своим поклонникам
Роняет капли с колючим льдом,
Как будто манну царя небесного.
Хрусталь и радуга – всё потом,
А нынче – серость, вполне уместная:
И снег несвеж, и грачи простужены...
Пока нерадостно получается.
Но дождь идёт, настоящий, с лужами,
А это значит – весна случается!

Февральская весна

Опять проклюнулась февральская весна
Сквозь скорлупу заиндевелых стылых окон,
Разворошила в полудрёме снежный кокон,
Чья на припёке потускнела белизна.

Опять росы студёной бусины дрожат
На тонких иглах разомлевших клейких почек,
И облака по тонкой ткани близкой ночи
Стежками звёзд о тёплых ливнях ворожат.

А на подпалинах проталин птичий хор
Нестройно славит преждевременные лужи,
Забыв о том, что скоро кисть упрямой стужи
На зимних дюнах восстановит свой узор.

И лишь позёмка, крошкой бисерной шурша,
Весну баюкает в хрустальной колыбели:
«Пока развьюжились последние метели,
Спи до рассвета, легкокрылая душа!»

Последний день марта

Последний день марта,
Как хрупкий подснежник, взошёл
На раннем пригорке
Несмелой весенней поры.
Оттаяли мысли,
И так на душе хорошо,
Как не было вечность,
С гнилой прошлогодней хандры.

И дышится ветром
Иначе, навстречу весне,
Как будто вернулось
Всё то, что зима унесла.
Тепло на ладонях
От солнца, и кажется мне,
Что день этот – первый,
Неважно, какого числа.

А всё-таки весна!

А всё-таки весна!
И пусть продрогший март,
Как странник без надежд,
Бредёт по бездорожью.
Печаль его ясна,
Но жизни аромат
Пронзителен и свеж
До терпкой нервной дрожи.

И пусть надёжен лёд –
Уж сонные дожди
Распахнутым крылом
У неба на подходе.
И кажется: вот-вот
Ударит впереди
Задорный первый гром
В весенней непогоде.

А в лужах-зеркалах
Жемчужная купель
Прохладна и легка,
Как будто на ладони.
Зовут колокола,
И близится апрель
В медовых облаках
И птичьим перезвоне.

Поэтому пускай
Уныла и пресна.
И всё-таки она...
И всё-таки – весна!

Межсезонное

До лета рукой подать.
Всему отведён свой срок.
Апрельская благодать
И майской грозы глоток
Мелькнут предрассветным сном –
И вновь с тополей июнь
Метелицей за окном
Закружит кудель свою.

И вновь разоткут стрижи
Рассвет вдоль седой реки.
Запутаются во ржи
Лазурные васильки,
Медовая пелена
Накроет волной луга,
Баюкая дотемна
Рассыпчатые стога...

В мечтах – земляничный зной,
В ладонях – размякший снег.
Так трудно порой весной
Нам радоваться весне!
И хочется поскорей,
Как стылая эта сыпь,
Разнежиться на жаре
До сонной, густой росы.

А вдох холодит февраль,
На выдохе март сипит.
Рассыпался календарь,
В межвременье позабыт.
И пусть не испит апрель –
Недолго осталось ждать.
Ведь, в сущности, и теперь
До лета рукой подать.

Лидия Заева

Родилась в 1947 году в с. Балтай Саратовской области. Окончила Саратовский университет по специальности «физик». Член Российского союза профессиональных литераторов (РСПЛ). Принимает участие в работе литературных и творческих объединений Саратова. Пишет стихи и музыку к ним, рассказы и сказки для детей. Литературный стаж с первой публикации – 23 года. Стихи автора были опубликованы в газетах: «Родная земля», «Саратовский Арбат», «Железнодорожник Поволжья». Стихи автора звучали на радио.

С 2002 по 2025 год вышла 21 книга (избранное) в авторской редакции. Произведения автора опубликованы в 14 коллективных сборниках стихов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.